

С. Весто

ЛУННАЯ ТРОПА

двери самой темной стороны дня

С. Весто
ЛУННАЯ ТРОПА

Двери самой темной стороны дня

 senvesto.com

Любое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.

© **S. Vesto**. 1996-2009
© **S. Vesto**. graphics. 1996-2009

В любой последовательности событий
Дьявол видит продолжение своей тени.

- Кутта Мл.

Сказка для всё познавших

ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА. СЕМЬ ГРАНЕЙ ЛЕТНЕГО УТРА

...

Дед обсиживал обломок базальта у воды, непринужденно нашаривая ладонью и не находя под собой мест, чтоб не так горячих. Он щурился, собирал вокруг глаз морщинки, облизывая самокрутку и бросая невозмутимые взгляды то на нее, то на Улисса и снова начиная ерзать, менять участки слишком нагретой поверхности камня. Эта цитата кого-то из элитных спецоператоров словно ставила точку на главе жизни.

- Ну вот и славно, - сказал дед.

Все помолчали.

Дед спросил, глядя на Штииса:

- Сильно зацепило?

Штиис напряженными глазами разглядывал утес за спиной деда. Скала нависала над кедрачом, разбитая трещинами и изрытая террасками. Он нехотя похлопал себя по правому локтю.

- Улиссу сегодня досталось. Нога. И с губой что-то. - Штиис помолчал. - В общем и целом, как я понимаю, все, можно сказать, отделались легким испугом, - со значением заключил он. Он покачал головой и с огорчением качнул поясницей, как бы испытывая на прочность. - Чего-то не везет мне в последнее время.

Дед оценивающе осмотрел самокрутку, повертел в пальцах, сунул в зубы и еще раз бросил взгляд на Улисса, просторно раскинувшегося на песке. Улисс, заслышав знакомые созвучия, приподнял мохнатый остаток уха.

- Йодом прижгли?

Гонгора кивнул.

- Ну и ладушки тогда! - произнес, не поднимая головы, дед с той восходящей интонацией, с какой обычно глядят на мир, закрывая последнюю страницу.

Он сощурился сильнее, обратившись взором теперь к диску солнца, что касался своим краем скал, закончил хлопать себя по карманам и произнес негромко, закуривая и пуская из ноздрей дым:

- Ни хрена ему не случится.

Он затаился еще раз, ткнул папироской в сторону скалы, что торчала из сизого кедрача неподалеку у берега, и сказал:

- Знаю я там одно хорошее место. Вот там и остановимся.

Р

 аsstелив перед палаткой клеенку и вывалив на нее куски вяленого мяса, конбаур и лепешки с домашним сыром, консервы, дикий лук, чеснок, укроп и прочую растительность, вновь облаченный в свой светлый шерстяной крупновязанный свитер дед, сладко кряхтя, принялся готовить роскошный ужин, обстоятельно и не спеша освещая при этом методику приготовления конбаура из горного козла и особенности взрезания живой скотине сердца и кишечника с дальнейшей целью наполнения последнего свежей кровью, вынимания, отваривания и употребления («В мертвом-то козлу кровь не бежит, вот ведь беда...»), причем тонкости взрезания каким-то непостижимым образом гармонично сочетались с тонкостями накрывания на стол, которые на сонный взгляд уже притомившегося в ожидании Гонгоры сводились в конечном счете к нехитрому тезису: «Голодный - съест». Съезжая по некоей известной ему аналогии с гастрономических сложностей на события будней, дед развлекал окружение рассказом об одном старом эвенке, чьем-то соседе Колле, имевшем обыкновение прямо с утра, когда весь лес еще спит, вывалив на крыльцо в одних кальсонах, палить из своего охотничьего бокфлинта по приколоченному к забору черепу медведя. Висит то есть на заборе череп, а на нем шапка с ушами. Чтоб, значит, не ошибиться. Говорит, это у него такая форма терапии. «..Мы заранее спорили: попадет или нет. Не попадет - значит, все нормально, сосед с вечера хорошо вдел и полезет сейчас в погреб...» Дед аккуратно уложил в закипающий котелок пухлые колбаски конбаура, поперчил, посолил и продолжил. «А тут, понимаешь ты, сделали вдруг завоз: шнапс - в магазин, а горючее в бочках... А горючее, понимаешь ты, догадались сгрузить к забору соседа. Так мы, веришь, вожжей нас всех, только к утру дошли умом, как в голову стукнуло. Мне аж сейчас холодно делается, как вспомню. Выскакиваем, значит, во двор, все кто в чем был, а сосед наш уже - всё, как положено: в кальсонах, босый, морда столбом, волоса дыбом, и держит, лярва, уже тот череп на мушке. Ну, мы, понятно, врассыпную - и к забору, рты разинув, руки раскинув, чтоб, значит, грудью прикрыть... Шум, беготня, кто кричит: «Колля!..» Кто уже голову в трусы засунул. В общем, впечатлений на месяц. Это же ведь сейчас только рассказать сладко. А Колля водит дулом меж нас и приговаривает: а уйди... а ну-ка, ш-шас я его...»

И дед широко разбрасывал руки в стороны с зажатыми в них чесноком и ножом, двигая корпусом и показывая, как они прикрывали грудью...

В отдалении что-то слабо шлепнуло и затихло. Усеянную крохотными иголками звезд зеркальную поверхность озера время от времени нарушали, расходясь и слабая, круги. Здесь же поблизости, с прибрежного каменного уступа были далеко закинута резинки, и дед обещал, что к утру что-нибудь будет. Быстро стемнело. Скалы, что прижимались к воде, на фоне огненной нити заката теперь казались рваным непроглядным провалом. Обшарпанный ветвистый колосс древней пихты за отмелью вплотную прижимался к голой иссеченной трещинами стене скалы и огромным глыбам, кроной своей почти достигая их парапета. Там дальше за камнями угадывалась речка, издали доносилось тихое шуршание и слабые вскрикивания. Перед лицом этих закутанных в тучи кедрового стланика стиснутых угрюмых гранитных стен узенький пяточок песчаной отмели как-то не внушал много доверия в смысле надежности, но другого

здесь не было, и лишь бодро булькавшая подкопченная кастрюлька над шумно трескавшим сучьями костром нагнетал состояние полудремотного транса и спокойствия. Кастрюлька распространяла вокруг себя непривычно аппетитные запахи, заставляя встряхиваться, усаживаться на разостланном спальнике удобнее, растирая в жарком багровом свете ладонями лицо, налитое сухим теплом. Почесать ушко маленькому, пробормотал Гонгора, без всяких мыслей наблюдая за гипнотическим танцем пламени, положив руку на голову Улисса. Лис, смежив глазки, окончательно разомлевший в тепле, глубоко вздохнул и лениво проурчал что-то неодобрительное. Становилось довольно прохладно и сыро.

Покопавшись в углях, Штиис пристроил к огню крепкую кедровую веточку. Дед ее убрал, похлопав по руке. «Отдыхай. Любишься средой». Это будет долгая ночь, подумал Гонгора. На затылке лежало влажное прикосновение воздуха. Великий Космос, хорошо-то как, произнес Штиис. Гонгора тоже был не в силах отделаться от ощущения собственной здесь уместности, он поднял глаза вверх, где было темно и где прямо над ним висели звездные дороги и тропы, множество троп, млея холодно и высоко, там горело давно звавшее и почти отчаявшееся уже в ожидании ночное небо. Одно странное чувство, даже уверенность, держало теперь и не отпускало, что где-то там дальше, впереди, быть может, в такой же жутковатой тиши, настороженной, погруженной в неизбывный мрак философии бытия, в состоянии такого же обманчивого покоя - но уже на совсем другом витке спирали, в таком же мерном течении ночи - но уже в совсем ином измерении, на дикой отмели уходящего, почти уже ушедшего и все никак не способного уйти времени будет потрескивать еще один костер и в нем будут мягко шевелиться изжелта-синие шмели огня, а прямо за спиной молча, все понимая, стоять ночь. И будет то самое странное чувство, почти уверенность, что где-то такое уже не то было, не то обязательно случится; но это случится потом. Сейчас, сквозь непреодолимые пласты тьмы у небесного порога он желал видеть отсвет, хотя бы слабый отблеск того огня, - хоть воспоминание о том блеске...

Осыпая проклятиями прибрежные камни, дед, спотыкаясь, возился в темноте, с треском собирая консервные банки и кружки. Рядом опять плеснуло, исказилась, качнув звездным отражением, голубая лунная тропка, глубоко врезанная в неподвижную гладь озера: из-за четкого неровного обреза отвесных камней выглядывал яркий кусок луны. Где-то вдалеке протарахтел, разбуженный голодом или, может, просто наступившей ночью, сумрачный зверь.

- А, а-лярва, - враждебно произнес дед, опрокидывая рюкзак Гонгоры на песок и возникая в круге света. - Хорошая погода будет, - заметил он, вздергивая рюкзак за лямку назад. - Хороший воздух, хорошее небо.

- Я слышал где-то, - беспечно отозвался Штиис, сонно помигивая в направлении исходящего дымом котелка, - что этих звезд столько, что куда ни глянешь, взгляд всегда упрется в одну из них. Это у меня в голове не умещается. Вот Гонгора говорит, вы все знаете, а чего не знаете, то вычисляете. Вот, по-вашему, откуда тогда темнота берется?

- Ты воду нам не мутит доплеровским смещением, - отозвался дед. - Лучше сними пробу. Кастрюля не должна развариться. А то потеряет всю остроту. Все питательные вещества уйдут.

- Не уйдут, - сонно сказал Штиис. - Не успеют. - Впрочем, взять ложку он согласился. - Знаете, что мне это всегда напоминало, - произнес он, пробираясь к котелку с деревянной ложкой наперевес. - Подземелье. Я всю жизнь словно в подземелье. - Он, зачерпнув, с сомнением разглядывал дымящуюся ложку. - А потолок сплошь забит драгоценным камнем. Только

не для нас все это. - Он помолчал, нерешительно приблизившись губами к краю ложки. - Хотите, я анекдот расскажу по этому поводу?..

Гонгора закрыл глаза. Будущего и прошлого больше не существовало. Было только настоящее, и так было редко. Точка и ее сингулярность.

- Есть одна теория, - сказал он, не раскрывая глаз. - По ней все одиннадцать измерений Мироздания, включая наши четыре, - не больше чем коридор. Что-то вроде туннеля не-реальности с ограниченным набором несуществующих решений. Вроде того, что если набор несуществующих решений действительно ограничен, то это делает другой набор решений, в принципе способный существовать, почти определенным. «Ограниченно реальным» - так это называется.

- Класс, - сказал Штиис, работая челюстями. - Просто для справки, а это вообще с чем принято есть?

- С умом, - сказал дед, отбирая у него ложку и решительно запуская ее в котелок. - Когда проголодаются.

Дед расположился у огня с локтем между развалившимся Лисом и Штиисом, подвернув под себя спальник и накинув на плечи ветровку. Штиис поскучав, достал из рюкзака свой неразлучный диктофончик со встроенным тюнером, вытянул антенну и теперь пытался нащупать какую-нибудь музыкальную станцию. Он признавал только музыкальные станции без сопровождающих длинных больных языков, с чисто одной музыкой. Тюнер услаждал слух сериями тресков и неопределенными шорохами.

- Чего там видать? - вдруг повысил голос дед, шурясь, наблюдая за тем, как Гонгора в десятый, наверное, раз берется полоскать свой драгоценный кукри в камнях подалее от озера: поглядит на свет, ополоснет, намылит и снова поглядит.

- Где? - помедлив, спросил Гонгора, не оборачиваясь.

- Да там, - ответил дед, что-то ссыпая и мешая ложкой в котелке. - Видать там чего-нибудь?

Гонгора снова помолчал.

- Да нет вроде, - глухо отозвался он. - Ни Черта там не видать.

Дед потыкал ложкой колбаски, бултыхавшиеся в кипятке.

- Ты чего там моешь, - снова громко закашлялся дед, пряча лицо в рукаве свитера, - а? Зеркало свое, что ли? Или совесть свою? Если вот, скажем, тебя опасность берет, чего это ты не отражаешься, не видно тебя сегодня почему, так рано еще, темное время суток. Ты сядь, значит, отдохни...

Штиис откинулся на спальнике, заложив руки за голову.

Нет, сказал про себя Гонгора, снова медленно вытирая закатанным рукавом голое лезвие, с этим не справиться. Мне это тоже не поправить, такое просто не в человеческих силах. Даже здесь след их присутствия. Они рано или поздно достанут и тут, и уже никому не остаться прежним.словно один и тот же незнакомый замкнутый на бесконечность коридор, и ты еще можешь думать, - нет, ты уверен, что решаешь и сейчас ты, что конечный выбор на том конце будет все-таки за тобой, но чье-то дыхание касается затылка, и ты понимаешь слишком поздно, что кто-то все это время смотрел тебе вслед, ничего, в сущности, не видя, делая из тишины проклятье, понемногу целуя в тебе параноика, а ты в сознании у себя теперь откладываешь, что до сих пор одни и те же тысячу раз драные, трухлявые, безвкусные, холодные, мертвые обстоятельства дышали тебе в спину, но ничего, ничего не меняется от этого твоего понимания, и они гонят тебя по коридору, и ты уже равнодушно, почти с налетом иронии достаешь на свет еще одно из своих бесполезных пониманий, которое они

в виде незаметных, микроскопических знаний с незапамятных времен спорами откладывали в тебе, что, наверное, все тут зря – и как бы быстро ты ни умел бегать и что бы ни пытался своим тренированным интеллектом прогнозировать насчет отдаленного поворота, он уже есть и никуда тебе от него не деться... Хумус же всей вселенной и пыль космоса, подумал Гонгора с глухим отчаянием. Неужели я так много хочу от жизни. Это как одно и то же упорядоченное движение Земли вокруг Солнца по траектории эклиптики. На сумасшедшем ускорении совершив крутой разворот, она несется навстречу новому времени года, к новому теплу и к новому лету. Можно испытывать подъем чувств, общую свежесть, можно улыбаться про себя по поводу атмосферных явлений, тихо изумляться наступающим переменам и бить от радости об пол посуду, можно, напротив, сокрушаться, сожалеть о случившемся, по утрам, чистя зубы, предаваться унынию и хлопаться головой о раковину, но ничего, ничего уже поделать будет нельзя...

- Ч-черт - ожесточенно произнес Штиис, удобнее располагая локоть на мягком, - люблю подарки. Ничего не могу с собой поделать. Приятные неожиданности. Вообще всякие знаки понимания. После них как-то хочется жить.

- Compliments, - подсказал Гонгора.

Штиис холодно посмотрел на него.

- Вы совершенно правы, - сообщил он, моментально переходя на диалект аристократический и отчужденный. - Знаки внимания вообще, вероятно, на заре эпохи человечества предназначались особям исключительно мужского пола с властью - в целях элементарно расположить к себе судьбу. С целью не усложнять лишней раз жизнь и как-то расширить сферу экономического влияния. А что мы имеем удовольствие наблюдать сегодня? Вот вам еще один скромный пример спрятанной сути женоподобной цивилизации.

Штиис принялся засучивать рукав.

Спрятанной сути. Совершенно справедливо, подумал Гонгора. Проходит одна такая в опасной близости, касаясь своим юным обаянием, когда после на редкость добросовестной тренировки чувства у тебя местами обездвижены до невменяемости и ты задвинут в задумчивость дальше обычного. Невзначай так протягивает, проводит крохотным пальчиком по жилке, обозначенной у тебя на руке напряжением, качая крохотным детским подбородком, и ты оглянуться не успеваешь, как она уже заботливо запахивает на тебе ворот плаща, поправляет пуговичку и наказывает не стоять лишней раз на сквозняке. И, главное, при всех.

Штиис был хорошим парнем, но он умел быть гвоздем в заднице. Правда, при этом он каким-то загадочным и непостижимым образом не переставал быть хорошим парнем и уверенно глядеть в будущее. Это было настолько необычно, что вопрос о том, кто сегодня съел все самое вкусное, даже не ставился. У него имелось еще одно качество, и оно сразу и навсегда отделяло его от прочего плебса и остального человечества. Он был помешан на всякого рода курсах выживания. Он проходил их десятками и был готов пройти их еще столько же, он собирал их, как убитый горем коллекционер собирает фантики, каждому отводя в Коллекции особое место и в каждом видя только свое. В скалолазании он не рвался вверх, как другие: его интересовала только необычность маршрута и висел ли там уже кто-то до него раньше. Если в общественном туалете один из очереди писсуаров окажется привинченным под потолком, то это для него. "For those who seek challenge." Если человечеству никогда не дано узнать в

светлом будущем радость жизни, искренне сказал ему Гонгора, то именно из-за таких, как ты.

Он был самым настоящим экспертом по выживанию, и не только в теоретической части – и не только в лесу, правда, скромно настаивал называть себя любителем.

Когда он узнал, что Гонгора собирается на Лунную Тропу, он даже побледнел от удовольствия и проникся к нему таким любопытством, что даже смутил Гонгору. Он смотрел на него совсем другими, новыми глазами. Так смотрит маниакально-депрессивный коллекционер на исключительно редкий экземпляр бабочки. Он даже не спросил, вернулся ли с нее кто-то назад.

Исподлобья глядя куда-то в пространство прямо перед собой, Штиис озадаченно мял и пробовал пальцами у себя под ухом затылочную область. Штиис словно понял вдруг что-то очень важное. Он покачал головой.

- Такое впечатление, - пробормотал он, - что я выспался...

Купить книгу С. Весто. ЛУННАЯ ТРОПА. Двери самой темной стороны дня:

Печатная книга по технологии книга по требованию (без посредников)

senvesto.com